

и мостом к обретению чистой молитвы. В полном соответствии с учением прп. Иоанна Лествичника Каллист полагает, что после избрания духовного наставника монах не вправе оценивать действия учителя, но должен предаться в беспрекословное, абсолютное послушание, которое в аскетической традиции именуется «нерассуждающим» (ἀδιάκριτος). Разрыв с духовным наставником приравнивается Каллистом к разводу законных супругов: здесь также единственной причиной считается ситуация, когда наставник впал в блуд или нечестие, то есть ересь. В то же время Каллист указывает, что эти правила нередко нарушаются его современниками. Произвольная смена наставников, по-видимому, не была редкостью. Кроме того, в сочинениях Каллиста Ангеликуда есть интересное упоминание неких «обретающихся в миру киновийных» монахах, которые, как явствует из текста, вовсе не подчиняются указанным установлениям: от такого братства Каллист рекомендует немедленно бежать.

Взгляд Каллиста Ангеликуда на современное ему монашество, разумеется, обусловлен его собственным положением, а возможно, и теми трениями или даже конфликтами с монахами и епископом Меленикона, глухие отголоски которых ощущаются в актах патриарха Филофея и монастыря Ватопед.

А. И. Романчук

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Три страницы из истории Крымской археологической экспедиции Уральского университета

1959 г. — год создания Крымской экспедиции Уральского университета, начавшей исследования в Херсонесе, о котором М. Я. Сюзюмов писал, что «этот город является в исторической науке как бы соединительным звеном истории античной, средневековой и ранней истории СССР». Три страницы из истории экспедиции посвящены некоторым результатам раскопок — свидетельствам значения Херсонеса. Но начальные строки первой страницы относятся к декабрю 1941 г., когда в Свердловск прибыл эвакуированный 18 сентября 1941 г. из Севастополя груз. Как писал в Путевом дневнике С. Ф. Стржелецкий, студенты Педагогического института «в нетопленном помещении, при температуре ниже нуля самоотверженно трудились на благо музея»¹.

1942–1962 гг. В годы Великой Отечественной войны изучение материалов Херсонесского архива позволило Е. Г. Сурову (1912–1975) подготовить работу о рыбозасолочном промысле (1948 г.), выявить его масштабы и предположить, что функционирование комплексов для приготовления соуса

---

¹ *Стржелецкий С.Ф.* Путевой дневник // Архив Национального музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. 460.

(гарона) относится не только к первым векам нашей эры. Следовательно, утверждение, что на развитие промысла повлияло размещение в Таврике римских легионов, для обеспечения которых потребовались дешевые продукты питания, не корректно. В 1959 г. изучение одной из цистерн показало, что она сооружена не ранее конца V в. Находка же декрета II в. н. э. позволила проследить изменения в структуре управления, топографию города римского периода, уточнила открытие линии оборонительной стены. Кроме того, была выявлена непрерывность жизнедеятельности в северо-западной части городища с VI до первых десятилетий XI в.¹

1963–1976 гг. Начало второй страницы истории раскопок связано с именем В. Н. Даниленко (1936–2007), одним из создателей Объединенной экспедиции (Херсонесский заповедник, Харьковский и Уральский университеты), приступившей к широкомасштабным раскопкам Портового квартала 1 и исследованию памятников Юго-Западной Таврики.

Портовый район стал «своеобразным полигоном» проверки концепции М. Я. Сюзумова о развитии византийского провинциального города. В процессе раскопок были выявлены слои разрушений начала VII в., первой четверти XI в., XIII–XIV вв., а анализ стратиграфических данных позволил объяснить причины малочисленности археологических свидетельств для некоторых хронологических периодов, в том числе и для времени, которое характеризовалось в историографии как «глубокий кризис и исчезновение Херсона как города».

1977–2000 гг. По-прежнему значимым являлось накопление артефактов, корреляция которых уточняла отдельные аспекты истории Херсона. Однако наиболее показательны такие свидетельства о значении Херсона-Корсуни, как обнаружение артефактов с кириллическими надписями и материалов, позволивших полагать, что во время Корсунского похода князя Владимира город не был «полностью опожарен и разрушен» (концепция середины 1950–60-х гг.). Анализ стратиграфии и нумизматических источников стали основанием для выводов: 1) датировка слоев разрушений концом X в. и соотнесение их с Корсунским походом не корректны, поскольку они отложились не ранее первой четверти XI в.; 2) возможной причиной разрушений могли быть природные катаклизмы².

Особый интерес представляет сочетание находок во втором портовом квартале, где в двух домах, сгоревших в XIII в., обнаружены энколпионы с

---

¹ Суров Е. Г. Раскопки в северо-западном районе городища // Сообщения Херсонесского музея. 1961. С. 67–70.

² Романчук А. И. Последствия похода князя Владимира для херсонитов: историографический парадокс // Владимирский сборник. Материалы науч. конф. «I и II Свято-Владимирские чтения» / Ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Калининград, 2016. С. 224–234.

греческими и кириллическими надписями, а около одного из жилищ найден «выпавший» из стены блок с текстовыми граффити на кириллице, изображением «процветшего креста» и несколькими небольшими крестиками. Надписи читаются следующим образом: «Сенько написал (нарисовал), идя, крест»; «Ильина р(ука)». Граффити относятся к XII – началу XIII вв. (датировка и прочтение принадлежат А. А. Гиппиусу)¹. К сожалению, определить, посетили ли писавшие город на пути в Святую землю или же надписи выполнены при отправлении в паломничество, не представляется возможным. Однако следует отметить, что среди жителей города имелись лица, знавшие кириллицу: так, на основании сакральных находок с кириллическими надписями один из кварталов Северного района Херсона условно был поименован «русским». Энколпионы с изображением восточнославянских святых и монограммами на кириллице встречались и на других участках городища. Следует отметить, что близкие кресты-энколпионы известны по раскопкам в Подунавии. Считается, что они оставлены спасшимися от нашествия и татарского пленения после захвата Киева.

Херсон после похода Владимира был хорошо известен обитателям славянского мира, что привело к «освоению» города как одного из центров торговли обитателями Древней Руси. Его посещали паломники, а в XIII в. Он мог стать и прибежищем для тех, кто вынужден был покинуть отеческие дома.

А. А. Роменский

*Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический» (Севастополь)*

Избиение катепана в Херсоне: контекст летописной статьи 6574 (1066) г.

Под 6574 г. Начальная летопись содержит известие о трагической гибели – отравлении на пиру – князя-изгоя Ростислава Владимировича, одного из наиболее ярких и харизматичных правителей Тмутаракани, доставлявшего неудобства как своим дядьям – сыновьям Ярослава Мудрого, занимавшим ключевые «столы» в Русской земле, так и византийскому правительству. Миссия по устранению слишком активного конкурента была поручена главе византийской администрации в Таврике – катепану Херсона, который, не исключено, и раньше был близко знаком с Ростиславом.

Летописец в подробностях описывает ромейское коварство, кардинально противоречащее принятому в то время на Руси воинскому этосу: «еди-

---

¹ Гиппиус А. А., Романчук А. И. Древнерусские паломнические граффити в Херсонесе // Археология античного и средневекового города / Ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь; Калининград, 2018. С. 45–56.